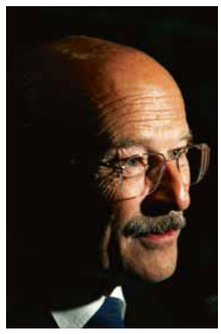
Вид у этой «тысячи» по получении гитлеровского приказа действительно жалкий. Генерал Отто фон Штюльпнагель не удержался от миллион раз звучавшего с экрана причитания «я офицер, а не мясник». Кажется странным, что к осени 1941 года эта блажь у вермахта еще не выветрилась, но генерал имел в виду, что имеются специально обученные «мясники», да к тому же — «Мы же не в Польше, а во Франции!». Рядовые

палачи заслужили изумленную реплику эсэсовца: «Их даже расстреливать надо учить!» Шлендорф, конечно, не реабилитирует вермахт: с «мясной» миссией он справится вполне, все об этом знают, и это знание лишает любого интереса генеральские переживания. Интересно другое: что тут делает философ, писатель, один из важнейших интеллектуалов XX века Эрнст Юнгер (Ульрих Маттес)? Нет, что делал капитан Юнгер во Франции — понятно: присутствовал при казни заложников, наслаждался интеллектуальной и светской жизнью, запечатленной в его дневнике. Но в чем «высший» смысл его присутствия на экране, помимо демонстрации изумительной, скажем так, наивности — когда «все это закончится», Юнгер рассчитывает поселиться в Париже. Очевидно, присутствие, кажется, близкого Шлендорфу героя вводит в «подсознание» фильма элемент «относительности»: трудно не представить, что и Юнгер мог нарваться в Париже на пулю, и тогда за жизнь мудреца расплатились бы пятьдесят или даже сто французов.

Проблема в том, что, нарвись Юнгер на пулю, в историческом контексте — который как-то «жмет» Шлендорфу — не в мире стало бы меньше на одного философа, а в вермахте — меньше на одного капитана.

В прокате с 7 марта

«Европа — это больше, чем евро»



В ПРЕДДВЕРИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕМЬЕРЫ «ШТИЛЯ» С ФОЛЬКЕРОМ ШЛЕНДОРФОМ ПОБЕСЕДОВАЛ АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Почему опять Вторая мировая, о которой вы столько снимали? И почему на сей раз Франция? Страна, вам не чужая, вы в ней жили и работали, и все же...

Сейчас, когда Европа переживает кризис и ее единство оказывается в хрупком состоянии, вновь поднимает голову национализм. Вот почему важно напомнить, откуда все это произошло. О Второй мировой в Германии снято много фильмов — и о Польше, и о Сталинграде, но только не о Франции. И потом, мне нравится этот мальчик...

Ги Моке? Честно говоря, я знал только станцию метро в Париже, названную его именем, но не имел понятия, кто это.

Я тоже не знал. А когда узнал, подошел к этой станции и стал рассматривать керамический фриз, на котором изображено, так сказать, житие Ги Моке. Это был коммунистический округ в Париже, и им нужен был свой герой. Но неожиданно, 30 лет спустя, когда президентом выбрали Саркози, он опять поднял на щит своей правой политической программы этого молодого коммуниста, с пафосом цитировал его письмо, в общем — сделал из него свою Жанну д'Арк. Это довольно абсурдно, и мне захотелось вырвать Ги Моке из лап пропаганды, превратить его в живое существо, каким он и был.

Фильм начинается с предыстории, в которой показано, что террор, развязанный нацистами, был ответом на теракт в Нанте, где молодые коммунисты убили выстрелом немецкого офицера. Вообще роль коммунистов во всем этом сюжете выглядит не совсем однозначной...

Нужно было бы сделать другой фильм — об этом мальчике, который выстрелил. Он был идеалистом и хотел перенести борьбу с оккупантами в провинцию. Он сам намеревался сдаться и пожертвовать жизнью, но ему не дали такой возможности товарищи по партии, а потом из той же партии исключили. Ему удалось бежать в Испанию, потом он присоединился к войскам де Голля и рассказал всю эту историю.

Как вы, классик немецкого и европейского кино, смотрите на его молодое поколение? Кажется, оно не так политизировано, как ваше?

Для многих, кто учится сегодня в немецких киношколах, существуют слова «любовь», «семья», «мелодрама», а вот слово «политика» — табу, и я понимаю почему. Люди не могут ассоциировать себя с современными политическими деятелями. Но я — животное политическое, таким родился, таким и умру. И считаю, это очень важно — понимать, кто стоит во главе твоего государства, и в человеческом плане тоже.

Главная проблема, стоящая перед европейскими политиками, и не только политиками,— это массовая иммиграция.

Все согласны с тем, что иммиграция нужна, ибо Европа стареет. Но никто не знает, как интегрировать иммигрантов, а это жизненно необходимо. И вот тут кино, вообще культура может сыграть важную роль. Им, приезжим, нужно рассказывать наши истории, а они нам пусть расскажут свои. Европа — это не только евро, и опасно переводить кризис единой валюты в кризис всей европейской структуры. Евро — не священная фигура, это всего лишь монета, и если она не работает, ее надо менять. Но нельзя допустить возвращения национализма, надо успокоить это движение. Иначе получится запоздалый триумф Маркса: культура, общество станут жертвой кризисной экономики.

Считаете ли вы Россию частью Европы?

Безусловно, прежде всего — в культурном смысле. В экономическом мы не можем полностью переплестись и соединиться, но нужны долгосрочные договоры и прочные союзы. Вслед за Достоевским я сказал бы, что Россия — это душа Европы, и надеюсь, что обновление к нам на Запад придет от вас. В Москве сегодня больше жизни, чем в европейских городах. Здесь много мест, которые можно встретить и в Париже, и в Лондоне — но не в Бруклине. Сегодня молодежным центром Европы стал Берлин, но следующий этап моды выведет на первый план Варшаву и Москву. Вот скоро к вам полетит easyJet — и тогда...

А в смысле кинематографа что Россия дает Европе?

Сегодня меньше, чем хотелось бы, но у вас был Тарковский. Никогда не забуду целую ночь тысяча девятьсот семьдесят какого-то года, которую мы провели вместе с Тарковским после показа его потрясающего «Зеркала». Был еще мой коллега, режиссер Рейнхардт Хауф. Мы говорили о религии, анархистах, о чем угодно, такие ночные разговоры бывают только в России. Не помню, в чем были наши расхождения, но мы спорили до хрипоты.

А на каком языке вы общались?

У нас была переводчица Ольга, которая работала с Тарковским, и мы оба были влюблены в нее — и я, и Рейнхардт.

Вероятно, это Ольга Суркова, которая собрала, а недавно продала на аукционе Sotheby's архив Тарковского?

Да, это была она. Удивительно, но сейчас я просто физически ощущаю атмосферу того вечера, и мне кажется, что время материально, оно растягивается и сжимается.